

Всегда в строю

МОСКОВСКИЙ театр имени Вл. Маяковского показывает драму Анатолия Софронова «Человек в отставке». Театр (режиссер В. Дудин) создал спектакль, хотя и не бесспорный и, конечно же, не безусловный в смысле сценического прочтения пьесы, но художественно целостный, политически острый, по-боевому целенаправленный.

Чем же обусловлены и сильные, и слабые стороны постановки? Первые — верностью автору, пристальным вниманием к его драматургической манере, чутким ощущением художественного своеобразия писателя. Вторые — отступлениями от автора, попытками режиссера втиснуть автора в прокрустово ложе художественных приемов сценического коллектива.

Но в чем же заключается своеобразие Софронова-драматурга?

В сочетании чувства народного быта, знания этого быта, всей богатейшей россыпи его метких черточек и подробностей со страстной, порой совершенно обнаженной публицистичностью.

Повседневность, ее драмы и комедии наполняют творчество Софронова-драматурга. Явно неправы те режиссеры и критики, которые пытаются свести содержание софровских пьес к «голой» фабуле и вытекающей из нее примитивной и удобопонятной морали, вроде той, что браконьерство, мол, зло.

Ведь отнюдь не случайно Софрон стал одним из самых репертуарных авторов нашего театра. Вряд ли смог бы завоевать подобное положение на театральной афише, симпатии актера и зрителей писатель, лишь прокламирующий со сцены нехитренские, убогие идейки и совершающий «открытия», подобные «открытиям» небезызвестного и незадачливого чеховского героя: лошади кушают овес и сено, зимой топят печи, а летом и без них тепло... Сила софровских пьес в их своевременности, в страстном, гневном и жизненно достоверном посрамлении зла ради утверждения добра, в истинном, высоком и, что самое важное, современном содержании этого понятия.

Совсем не в том состоит суть «Человека в отставке», что, мол, офицеру, обладающему здоровьем достаточно завидным, преждевременно да и вряд ли вообще целесообразно менять военный костюм на штатский. Самому высокому званию на земле — «Человек» — органически чужды и враждебны слова «в отставке». На отставку по возрасту или физической инвалидности имеют право военные, инженер, лесничий, агроном, но не Человек. Человек — он всегда, до последней капли крови, до последнего дыхания, — в строю!

Однако и это — лишь одна из внутренних идей пьесы, но идея не основная. Так же как не основной, хотя и очень существенной, является идея дружбы, скрепленной солдатской кровью, дружбы, основанной на единстве политических и нравственных устоев, чуждой бездумного и беспринципного приятельства. Суть пьесы, суть самая важная, острая и сокровенная, говорит о том, что в жесточайшей идеологической схватке двух миров нейтральных быть не может!

Да, именно к такому выводу приходит главный герой софровской драмы — полковник в отставке Николай Подрезов, попавший в сложную жизненную ситуацию. Шутка сказать, брат его жены, к тому же сыгравший в свое время немаловажную роль в знакомстве Подрезова с Любой, исключен из партии. Не один год в подобном же положении находится и фронтовой друг Подрезова — разжалованный подполковник Рябинин. Подрезов отлично знает, что кара на Рябинина пала незаслуженно. Знает и молчит, хотя и всячески привечает Рябинина. А пройти мимо дела шурина, художника Медного, умыть руки ему явно не удастся. — Вмешайся! — молит сам шурина. — Ведь секретарь обкома твой фронтовой товарищ. — Вмешайся! — настоятельно требует жена... И Подрезов вмешивается — вмешивается и в дело Медного, и в дело Рябинина...

Медный исключен за антисоветское, ревизионистское выступление. Убедившись в этом, Подрезов считает своим партийным долгом, делом своей совести подтвердить справедливость и необходимость этого исключения. Рябинин же, честный и храбрый офицер, должен быть восстановлен и в рядах партии, и в рядах армии. Подрезов отбрасывает прочь ложное соображение о том, что его могут обвинить в приятельстве, и активно и горячо встает на защиту Рябинина, добивается полной его реабилитации. В «блиндаже покоя», коли хочешь быть человеком и коммунистом, не отсидишься. К такому выводу приходит и мы, зрители спектакля Театра имени Вл. Маяковского.

Замысел театра, его стремление усилить публицистическое звучание пьесы угадываются без особого труда, прежде всего в строгом и лаконичном оформ-

лении спектакля (художник К. Кулешов). Театр явно не хочет отвлекать внимание зрителя на подробности обстановки, стремясь сосредоточить это внимание на психологических борениях и идейных конфликтах.

Что ж, замысел этот как будто бы вполне закономерен: ведь и мы, характеризуя своеобразие Софронова-драматурга, сочли необходимым отметить и подчеркнуть открытую публицистичность его творчества.

Но мы говорили и о другом — о знании Софроновым быта, о чувстве быта. В спектакле же публицистичность оказалась как бы лишенной реальной жизненной почвы, приобрела характер, в известной мере, декларативный.

Высказывая эти наблюдения, мы вовсе не собираемся умалять достоинства спектакля яркого и политически острого. Но, право же, тот внутренний контакт, который устанавливается между зрительным залом и сценой, нет-нет да и нарушается благодаря самоценным и самодовлеющим приемам и находкам. И происходит это не только в данной постановке. Здесь на себя привлекают внимание движущиеся ширмы. В «Садовнике и тени» — светящееся яблоко, которое лежит на движущемся круге, спускающиеся с колосников яблоневые ветки. В «Аристократах» — телефоны, выносимые слугами просцениума, шед ро разбрасываемое ими же конфетти и т. д. и т. п. Спрашивается: не в ущерб ли своим собственным стремлениям и своим собственным замыслам поступает в таких случаях театр?

И, кстати, законно ли, естественно ли в одних и тех же сценических приемах и приемах решать пьесы и Софронова, и Погодина, и Леонова? Разве так уж они выглядят все на один лад, что их без ущерба для содержания можно стричь под одну и ту же гребенку?

В спектакле «Человек в отставке» занят превосходный актерский состав: Ханов, Лукьянов, Пугачева, Гердрик, Аржанов, из молодежи — Козаков... Как и при каждой встрече с любимыми артистами, у зрителя возникает праздничное, радостное ощущение. И актеры в этой постановке правдивы, естественно, заразительны.

Но вот еще одно наблюдение: на следующий день после «Человека в отставке» мне довелось смотреть в этом же театре «Вечное перо» И. Штока. А. Лукьянов, исполняющий в софровском спектакле роль Подрезова — безусловно положительную, в «Вечном перо» воплощает образ Зубковского — явно отрицательный, образ карьериста, дельца и перерожденца. Но и там, и здесь я видел перед собой актера Лукьянова, с присущими ему данными и особенностями. Да и глядя на других актеров, невольно вспоминаешь их другие работы, ибо хотя и идут они в своем исполнении от себя, но уходят от себя не очень далеко. И невольно возникает еще один вопрос: а не препятствует ли оголенная сценическая площадка со всевозможными самоценными сценическими аксессуарами самому сокровенному существу актерской профессии — дару перевоплощения, не сказывается ли на этом даре губительным образом?

Очень интересно, сильно, по-своему играет роль Медного Михаил Козаков. Есть в этом образе и озлобление извращенного во всем мещанина, и цинизм отчаяния, рожденного собственным творческим бессилием, и изворотливость проходимца, до последней минуты надеющегося спастись, и спекуляция своим, еще не до конца утраченным обаянием... Смущает лишь одно: молодость Медного — Козакова. Прав ли был театр, поручая роль Медного данному актеру? Хочешь, не хочешь, а возникает ощущение, что причиной многих ошибок и заблуждений Медного является его юность, что еще не состоялся он, не перебродил, не сформировался полностью. Медный в пьесе Софронова выписан более резко и определенно.

Таковы наши наблюдения и раздумья. Каковы же итоги, выводы? Они сделаны в самом начале статьи: сильные стороны спектакля рождены верностью театра автору, развитием и, как говорил Белинский, дополнением автора. Слабые — отступлениями от автора, попытками режиссера подмять автора под себя. Своеобразие спектакля состоит в том, что его и сильные, и слабые стороны существуют в единстве друг с другом, в едином и сложном конгломерате. Другой театр, — а пьеса Софронова довольно широко идет на периферийной сцене, — вероятно, прочел бы ее по-иному. Но и спектакль Театра имени Вл. Маяковского заслуживает доброго слова, активной поддержки, ибо, повторяю, спектакль этот политически острый и по-боевому целенаправленный.

Юр. ЗУБКОВ